Иван Горденов

Во стольноём во городи во Киеви
У ласкова князя у Владымира
Было пиро́ваньё-столо́ваньё,
Да был у него, братцы, почесен пир
Про многих князей, да многих бояров,
Да сильныих русскиих богатырей;
Да вси на пиру да пьяны-веселы,
Да все на чесном потешаютца.
Растешилса солнышко Владымир-князь,
Да пагуливат па гриденке по светлоей,
Па той же середы кирпищатой,
Резвыма ногами ён поступыват,
Белыми руками ён розмахиват,
Русыма кудрями принатряхиват,
Ясныма оцями на всех сгледыват.
Ён завидел юдала добра молодца
По имени Ивана всё Горденова:
«Ты ой есь, Иван да сын Горденович!
То што же сидишь ёчунь не весело,
Повеся держишь да буйну голову,
Потупя очи ясны во крипищат пол?
Али местом тебя мы приюнизили?
Али цары тибе да не доносили?» —
«Аж ты ой еси, солнышко Владымир-князь!
Вы местом меня да не юнизили,
Да цары-ти мне-ко-ва доно́сили —
У тя все на пиру сидят паженены,
У тя красныя девичи повыданы,
Един я, Иван да царь, холо́ст хожу,
Я халост-от хажу, да не женат живу.
Захотелосе бы мне да поженитисе
Да во стольнём городе в Чернигове
У ласкова у князя у Черниговска
На его же на любимой на дочери,
На душке Маринке лебедь белой,

На той Маривьяны на прекрасноей».
Гаварит-то наш солнышко Владымир-князь:
«Когда хочешь, Иван, дак можешь на ей». —
«Аж ты ой еси, дядюшка родимой мой,
Ты солнышко батюшко Владымир-князь!
Одному-то мне теперь не взять будёт,
Мне надо мне тридцать всё богатырей,
Да сильниих русских храбрых воинов».
Гаварит-то наш солнышко Владымир-князь:
«Ты ой есь, Добрынюшка Микитиц блад!
Садись-кё, Добрыня, за дубовой стол,
За дубовой-от стол, да на ремещет стул,
Пиши ерлыки да скоропищеты».
На то-де Добрыня не ёслышалсэ,
Да скоре́ садитца за дубовой стол,
За дубовой-от стол, да на ремещет стул,
Писал ерлыки да скоропищеты.
Срежаитце Добрыня во чисто полё,
Уздаёт-седлает коня доброго,
Да скоре садитца на добра коня,
Поехал Добрыня во чисто полё
По тим по дорогам по широкиим,
Метал ерлыки, да скоры грамотки.
Соежжалисе богатыри во Киев-град,
Да тридцать-де три ровно богатыря,
Да ко ласкову князю на почесен пир.
Да пир-от идёт да о полупиру,
Да стол-от идёт да о полустола,
Да князь-от Владимир о полухмеля,
Да день-от идёт у нас ко вечеру,
Да солнышко катитце ко западу,
Кнеженевская радость в полурадости.
Гаворил-то Иван сударь Гарденович:
«Ты солнышко батюшко Владымир-князь!
Ты откатывай боцьки-сороковоцки,
А сорок нам бочёк зелена вина,
Двадцеть нам бочёк да пива пьяного,
Сорок нам возов да харчу хлебного,
Давай мне товару на сорок тысечей,

Заплачу тибе, сударь, деньги полныя».
На то же Владымир не отслышелсэ,
Откатывал боцьки-сороковоцьки,
Сорок-де боцёк да зелена вина,
Двадцеть нам бочёк пива пьяного,
Сорок нам возов да харчу хлебного,
Давал же товару на сорок тысицей.
И стали молодцы да нонь срежатисе,
Скаре того да сподобляютцэ.
Во-первых, стар казак Илья Муромец,
Со своим же бы он да со десяточкём,
Во-вторых, Самсон сын Колыбанович,
Со своим же бы он да со десяточкём,
Во-третьих, Борис сударь Горденович,
Со своим же бы он да со десяточкём.
Уздают-седлают коней добрыих,
Да скоро-де скачут на добрых коней,
Не видали молодцов, когда на конь сяли,
Да видят: там во поле курива стоит,
Скопотили пески мелки сыпучие.
Да скоре́ пое́тца, скоре́ скажитца,
Да много-де времени минуетца,
Подъежжают под славной под Чернигов-град,
Становилисе ёни на зелены луга,
Розоставили шатры белополотнены
От Чернигова-града за двенадцеть вёрст,
Да стали пировать, да столовати же,
Да стали ёни да думу думати:
«Кому из нас итти во Чернигов-град?
Кому же итти из нас свататцэ?
Послать нам Алёшенькю Поповица,
Второго Добрынюшку Микитица,
Умеют они да, право, чесь воздать,
Чесь-ту воздать и слово вымолвить».
На то молодцы да не ётслышались,
Поехал Добрынюшка Микитиц блад,
Другия Ёлешинькя Поповиц блад,
Да едут во славен во Чернигов-град,
Ка городу едут не дарогою,

Они в город заежжают не варотами,
Скачут через стену городовую,
Ка тим же полатам княженевскиим,
Ко тому ко крыльцю ко прекрасному,
Да скацют-де скоро со добрых коней,
Да вяжут своих да коней добрыих
Ка тому же столбу да ко дубовому,
За то же колечико серебрено.
Заходят они да на красно крыльцо,
Проходят они да во новы сени,
Из новых сеней во гриню со столовую,
А молятце ёни да Господу Богу,
Ёни крес кладут да по-писаному,
Паклон-от ведут да по-ученому,
Да кланятце на все четыре стороны:
«Здравствуёшь, князь Федор Черниговской!» —
«Приходите, удалы добры молодцы!
И куда идите, да куда правитесь?» —
«Идем ка’ ё доброём ё деле ё сватовсве
На твоей же на любимоей на дочери,
На душке Маринке лебедь белоей,
На той Маремьяны на прекрасноей,
За того же за Ивана за Горденова».
Гаварит-то им князь Фёдор Черниговской:
«Не Иван-то поставил ишшо плёночку,
Не Горденову попала в плёнку уточкя —
Поставил плёнку Васинькя Окулович,
Да Васиньке попала в плёнку уточка.
Да Васинька Окулович весьма велик:
Промежду-де плецьми его коса сажень,
Промежду-де глазьми его целой аршин,
Да ноги его, будто кичижища,
Да руки его, как сильни граблища,
Да очи его, как пивны чашища,
Да уши его, как царски блюдища,
Голова ю него, бутто пивной котёл,
Да тот же котёл сорока ведёр».
Говорил-то Добрыня, не юподывал:
«Ты ой есь, князь Фёдор Черниговской!

Ты тем-от-де нас нынь не юстрашивай,
Самих же нас здесь триццеть богатырей,
Да сильниих русских храбрых воинов,
Ты чесью нам дашь, дак возьмем с радосью,
Ты чесью не дашь — мы возьмем не́чесью».
Пошел-то-де князь Фёдор Черниговской
Ко своей он ко дочери любимоей:
«Ты душка Маринка лебедь белая!
Идёшь ли за Ивана за Горденова?» —
«Не Иван-де поставил ище плёноцькю,
Не Горденову попала в плёнку уточка —
Да поставил плёнку Васинька Окулович,
Да Васиньки попала в плёнку уточка».
А и тут-то князь Фёдор осержаитце,
Хватил-то свою да саблю вострую:
«Ссеку я тибе да по плеч голову —
Нейдёшь за Ивана за Горденова?» —
«Аж ты ой еси, батюшка родимой мой!
Я не еду типерече на их конях,
Суреди же ты мне да своего коня».
Суредили же ее́ да ворона коня,
Выходила Маримьяна дочь прекрасная,
Садилась она на ворона коня,
Поехала она да на зелёны луга,
Ко тим ко шатрам белополотненым.
Стречат-то Иван да сын Горденович,
Бере́т-то ее́ да за белы руки,
Сымат ее́ да со добра коня,
Чолует ее́ в уста сахарныё,
Заводит её да во бел шатёр.
Пировали-столовали трои сутоцьки,
Аттуль молодцы да поворот дают,
Обирали шатры белополотнены,
Да скоре́ садяцца на добрых коней,
Да едут во стольнёй славной Киев-град.
Да едут ёни да по чисту полю —
Им пала дорожка поперецная,
Поперецна дорожицька, кровавая.
Да тут молодцы остановилисе,

Говорил-то Иван сударь Горденович:
«Ты ой есь, Борис сударь Горденович!
Поедь со своим да со десяточкём,
Изведай дорожечкю кровавую».
На то-де Борис не ётслышалсэ,
Поехал со своим да со десяточкём.
Поехали ёни да по чисту полю,
Им пала дорожка поперечная,
Поперецна дорожечка, кровавая.
Да тут молодцы остановилися,
Говорил Иван сударь Горденович:
«Ты ой есь, Самсон сын Калыбанович!
Ты поедь со своим да со десяточкём,
Изведай дорожечкю кровавую».
На то-де Самсон да не ётслышалса,
А уехал со своим да со десяточкём.
Поехали ёни да по чисту полю,
Им пала дорожка поперецная,
Поперечна дорожоцька, кровавая.
Да тут молодцы остановилисе,
Говорил-то Иван сударь Горденович:
«Ты ой есь, старой да Илья Муромец!
Ты поедь со своим да со десяточкём,
Изведай дорожечкю кровавую».
Говорил-то старой да Илья Муромец:
«Ты ой есь, Иван сударь Горденович!
Ты оставь сибе меньшого слугу паробка».
Говорил-то Иван сударь Горденович:
«Поежжай со своим со всем десяточкём».
Говорил-то старой да Илья Муромец:
«Ты оставь сибе меньшого слугу паробка».
Скрычал-то Иван сударь Горденович:
«Говорят, — поежжай со всем десяточкём!»
На то-де старóй да не ётслышелсэ,
Поехал со всим своим десяточкём;
Поехал Иван сударь Горденович
Со душкой Маринкой лебедь белою.
Заехали они да в лесы тéмныя,
Да тут-то они остановилисе,

Раскинули шатёр да бел-полотненой,
Легли они спать, да опочи́н держать.
Как о ту было пору и о то времё
Наехал-де Васинька Окулович,
Крычит-то Василей во всю голову:
«Ты блядь ле, ворона пустопёрая!
Ты та жо сорока огумённая!
Куда полетел по чисту полю?
Да полно те спать, право, пора ставать!»
Ото сну тут Иван пробужаитцэ,
В одно́й-де рубашечке без пояса,
В одны́х-де чулочках без чоботов
Выскакивал скоро вон на улицу,
Бежит-то ко Васиньки настрету же.
Да едет Василей на добром коне,
Махнул-то Василей саблей вострою,
На то же Иван да был ювертливой,
Подвернулся под гриву лошадинную —
Промахнулса-то Васинькя Окуловиц.
Хватил-то Иван да за русы кудри,
Да сдёрнул его да со добра коня
На ту же на матушку сыру землю,
Садилса ему да на белы груди,
Растегивал пуговки тальячныя:
«Ай ты душка Маринка лебедь белая!
Подай-ко синьжалищо булатен нож,
Распороть-то бы мне да груди белыя,
Пасматреть-то бы мне да ретиво сэрцо».
У него, у собаки у проклятоей,
Да во рте язык, право, ворочатце:
«Да душка Маринка лебедь белая!
За им-то те быть, будёт служанкой слыть,
За мной-то те быть, будёшь царицой слыть».
Прибежала Маремьяна дочь прекрасная,
Попутала Ивана всё Горденова,
Да справилса Васинькя Окуловиц,
Да скакал-то Василей на резвы ноги,
Прижимали Ивана ко сыру дубу,
Да опутали попутинки шелковыя:

«Да тебе сырой дуб — да молода жена».
Заходили ёни да нынь во бел шатёр,
Да не закинули ю шатра да полу правую,
Легли ёни спать да ёпочин держать.
Во ту было пору и во то времё
Прилетели из чиста поля два голуба,
Садились ёни да на сыро дубьё,
На самыя ёни да на вершиночки,
Ювидел-то Василей ён двух голубов,
Хватил ю Ивана, право, тугой лук,
Хватал его стрелоцьку калéную,
Натегат-то Васильюшко нонь тугой лук,
Стрелят-то Василей в этих голубов —
Не дошедши, стрела их поворот даёт:
Разлеталася Васиньке в белы груди,
Распорола его да груди белыя,
Сомешалась его да кровь со печенью —
Да тут-то Василью смерть случиласе.
Выходила Маривьяна из бела шатра,
Ёна кланяитца Ивану в ногу правую:
«Прости глупу бабу во первой вины». —
«Спростай-ко меня да от сыра дуба,
Прощаю тебя да во первой вины».
Роспростала опутинки шелковыя,
Спросталса Иван сударь Горденович,
Одеваитце ’ своё да платье чветное,
Да скоре садицца на добра коня,
А душка Маринка за им же тут.
Поехали они да лесом темныим,
Доехали они да нонь до реченьки,
Да тут-то они остановилисе,
Да слез-то Иван да со добра коня:
«Ты душка Маринка лебедь белая!
Захотелосе бы мне-ка-ва напитисе,
Ты подай-ко-ся мне воды ключавоей!»
Слезоваёт Маривьяна со добра коня,
Берёт-то Иван да саблю вострую,
Атсек он у ей да по колéн ноги:
«А эти мни ноги-ти не надобно —

Со поганым татарином оплеталисе!»
Отсек он у ей да по локо́т руки:
«Да е́ти мне ручишша не надобно —
Со поганым тотарином обнималисе!»
Отсек он у ей да нос-от с губами:
«Эти мне губишша не надобно, —
Со поганым тотарином человалисе!»
Умывал-то Иван да руки белыя,
Уехал в пещеры во великия,
Да начал Иван Богу малитисе.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., сел. Великая Виска Пустозерской вол. — от Дитятева Алексея Ивановича, 71 г.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.